

-
1. *Видуэцкая И. П.* Прошлое и настоящее в художественном мире Лескова // Лесков и русская литература. М., 1988. С. 76–93.
 2. *Гроссман Л. П.* Н. С. Лесков. Жизнь — творчество — поэтика. М., 1945.
 3. *Евдокимова О. В.* Мнемонические элементы поэтики Н. С. Лескова. СПб., 2001.
 4. *Колесов В. В.* «Думать» и «понимать» в истории русской культуры (древнерусская парадигма). СПб., 2003.
 5. *Лесков Н. С.* Дама и фефела // Собр. соч. : в 12 т. М., 1989. Т. 12.
 6. *Лесков Н. С.* Загадочное происшествие в сумасшедшем доме // Там же. Т. 7.
 7. *Лесков Н. С.* Интересные мужчины // Там же. С. 317–369.
 8. *Лесков Н. С.* Переписка Н. С. Лескова с Л. Н. Толстым // Собр. соч. : в 11 т. М., 1958. Т. 11.
 9. *Лесков Н. С.* Совместители // Собр. соч. : в 12 т. Т. 7.
 10. *Лесков Н. С.* Старинные психопаты // Там же.
 11. *Лесков Н. С.* Умершее сословие // Там же.
 12. Современный словарь иностранных слов. М., 1994.
 13. *Урысон Е. В.* Проблемы исследования языковой картины мира: аналогии в семантике. М., 2003.

О. А. Слепцова
г. Екатеринбург

Исповедь в русской прозе 1830–1850-х гг. (В. Печерин, М. Бакунин)*

Обращаясь к эпохе 1830-х гг., В. И. Тютя писал: «Возникновение интенции личной уединенности — это эпохальный слом общественного сознания» [8, с. 176]; теперь человек мыслит себя в качестве «полноценного и полноправного субъекта жизни» [Там же, с. 183]. Очевидные изменения происходят в структуре и жизни всего русского общества этого периода: здесь и вступление на престол нового правителя, и последующее «закручивание гаек» (следствие и суд над декабристами, работа

* Работа выполнена под руководством д-ра филол. наук, проф. кафедры русской литературы УрФУ Е. К. Созиной.

Третьего отделения), и развитие общественных движений в условиях политической реакции; здесь и качественные изменения в жизни духовной, характеризующейся «быстрой сменой разных идейных течений» [3, с. 254].

1830-е гг. в высказываниях современников и историков русской мысли предстают как период, когда русская интеллигенция вступила в эпоху созерцания, размышления. Об этом свидетельствует сама жизнь литературы. Г. Флоровский называет 1830-е гг. временем «философского воспитания духа», когда «насталла эпоха романтизма в русской культуре, и романтизма не в литературе только, — еще более это было время *романтизма в жизни*» [10, с. 343]. Фиксация саморефлексии в форме дневниковых записей, писем, мемуаров, автобиографических записок становится нормой в литературной и социальной деятельности выразителей общественного сознания данного периода. Современный исследователь отмечает: «Рукописное и печатное слово, как культурологическая матрица, становится потребностью и даже смыслом жизни в России» [6, с. 39]. В условиях зарождения и развития типа «уединенного сознания» [8, с. 177], свойственного романтическому искусству, в России 1830-х гг. становится чрезвычайно актуальной исповедальная традиция.

И если в 1830-е гг. для духовного состояния общества ключевыми понятиями были *созерцание*, *уединенность*, *саморефлексия*, то в 1840–1850-е гг. романтическая парадигма, внутри которой и функционировали перечисленные понятия, постепенно сменяется реалистической, где в качестве доминантных уже выступают понятия, сопряженные с новым культурным сознанием, такие как *сознание*, *прогнозирование*, *историческое развитие*, когда человек определяется *делом*, а не словом, не одной мыслью, т. е. не довольствуется собственно самоанализом внутреннего «я». «Я» трансформируется в «не я», «другое я», направленное на анализ личности как бы со стороны. Теоретической основой исповеди, как и многих философских сочинений 1840-х гг., становится «ступенчатая» философия Гегеля, основанная на движении к Абсолюту, внутреннему Богу. Таким образом, в 1840-е гг. созерцание важно, но не само по себе, а в наложении его на практическую составляющую.

Исходя из того, что 1840-е гг. — время идеологической жизни страны и влияния на эту жизнь, в первую очередь, политики, а значит, формирования идеологического типа сознания и поведения, можно говорить о появлении новой, практической, функции исповедального слова и о новом элементе художественного языка, выработанном литературой в ситуации «уединенного типа» сознания и развивающемся в эпоху, когда

человек оценивался как социальный деятель и идеолог. Исповедь человека, ощутившего «несвойственное самосознанию прошлых эпох чувство исторического величия» [6, с. 28], оказывается обращена не только к конкретному лицу, но и к современникам, обществу в целом. На фоне описания собственной жизни возникает особый смысл исповедального слова: «Авторские голоса тех, кому было что сказать власти, оставляли своим царственным слушателям возможность не только делать самостоятельные выводы, но и принимать взвешенные и исторически целесообразные решения, цена которых — судьба России» [Там же, с. 84].

В. Печерина и М. Бакунина можно рассматривать в качестве наиболее представительных фигур, выражающих самосознание человека 1830-х и 1840-х гг. Остановимся на жанровой природе «Замогильных записок» В. Печерина и «Исповеди» М. Бакунина.

Наиболее точное определение жанра, на наш взгляд, дает С. Ермоленко: «Жанр — это исторически сложившийся тип устойчивой структуры художественного произведения, назначение которой состоит в создании некоего образа мира как воплощения определенной эстетической концепции действительности» [2, с. 11]. Однако, исходя из субъективности эстетических взглядов художника, можно сделать вывод, что всякий раз при воспроизведении жанровой структуры образ мира будет уникален, что еще раз доказывает гипотезу: определенное авторское сознание порождает свой «художественный язык».

Исповедь может рассматриваться как жанр и как метажанр, включающий в себя проповедь, молитву, дневник, журнал, мемуары, письмо, автобиографию. Каждый из этих жанров может быть самостоятельным — и тогда он как доминирующий включает в себя черты исповедальности. Доминанта исповеди выражается прежде всего в особой речевой и жанровой установке субъекта — в покаянной направленности его слова, в котором он описывает свою жизнь или ее фрагменты, и в обязательной обращенности к адресату.

Мы рассматриваем жанр исповеди по следующим параметрам:

1. *Субъектная организация*: повествование от первого лица, особая исповедальность и доверительность повествования, повышенная рефлексивность, аналитизм, афористичность слога; под *исповедальностью* мы понимаем стремление говорящего (пишущего) предельно искренне и полно выразить себя, свое настоящее отношение к жизни и своим поступкам, чувствам, отношениям;

2. *Рецептивная установка*: диалогизм, наличие адресата/наадресата, в роли которого в иных случаях начинает выступать сам исповедующий субъект (автокоммуникация);

3. *Автобиографичность*: рассказ о собственной жизни;

4. Особый характер *хронотопа*: наличие двух временных планов (время в ситуации исповедования, изложения исповеди — настоящее время повествования, речи-исповеди, и прошедшее время жизни, о которой идет рассказ). Содержание исповеди чаще всего ситуативно, т. е. определяется настоящим моментом переживания. Разнопланово и суггестивно пространство, охватываемое исповедью, ибо один локус, в котором сосредоточивается внутреннее созерцание исповедующегося, противопоставлен беспредельному количеству других, охватывающих всю жизнь (конкретное *здесь* — бесконечному *там*).

Особого внимания в тексте В. Печерина заслуживает оппозиция автор-повествователь — герой. С одной стороны — это сознание человека 70-х гг. XIX в., пишущего свой текст, с другой — сознание человека, проживающего свою жизнь в 1830-е гг. С высоты прожитых лет и полученного жизненного опыта он создает воспоминания о собственной жизни, рефлексирова и оценивая свои поступки по-иному, нежели если бы герой и повествователь были ровесниками. Таким образом, следует проводить грань между сознанием исповедующимся (сознание автора-повествователя) и сознанием, переживающим «впервые» (сознание героя). Сквозь романтические штампы и законы литературного письма прорастают простота, искренность признания, несмотря на то, что за этой литературностью трудно выявить исповедь человеческой души.

Герой у Печерина является одновременно носителем сознания, субъектом и объектом речи. При этом «по застывшему сюжетному времени эпизодов читатель может перемещаться вперед-назад, как по анфиладе комнат» [8, с. 41] вместе с пишущим, потому что сам автор периодически то возвращается к некоторым моментам своей жизни, то пропускает большие временные отрезки: «Ради разнообразия прерываю на минуту хронологический порядок моей летописи» [5, с. 206]. «Записки» в аспекте такого параллельного с авторским сознанием восприятия становятся не отчетом о реально пережитом автором/героем, а пересозданной на бумаге жизнью в «двойном» времени.

Эстетическим адресатом (наадресатом) в «Замогильных записках» является, с одной стороны, абстрактный читатель, с другой — Бог. Конкретными, реальными адресатами являются племянник В. Печерина С. Поярков и университетский друг Ф. Чижев. Чижев в данном случае

берет на себя роль исповедника, а адресатом авторской исповеди становится сам Бог.

Иначе построена «Исповедь» Бакунина. Так как Бакунин писал ее под угрозой смертной казни, то она обращена к Николаю I, а не к Богу (как следовало бы по закону жанра). С одной стороны, в «Исповеди» Бакунин обращается к Николаю I, и царь отвечает ему комментариями на полях, но при этом пометки не направлены собеседнику. Царь делает эти заметки как читатель, они не попадают к создателю исповеди: диалогическая структура исповеди сохраняется, но не в той непосредственной форме, какую мы видим, например, у Печерина. Причем Бакунин предполагает попадание «Исповеди» не только в руки Николая I, но и его приближенных, т. е. ориентируется на ее публичность.

В тексте «Исповеди» возникает два субъекта речи: Бакунин и Николай I, которые вступают в отношения своеобразной игры. Бакунин, склонный к идеализации своей личности и в то же время ищущий рациональные объяснения своему поведению, исполняет роль «кающегося грешника», а царь — справедливого вершителя судеб, возведенного в такой ранг самим же Бакуниным.

Третий субъект — Александр II, которому адресуется «Письмо» Бакунина, видит «Исповедь» уже в контексте пометок Николая I, т. е. его читательское восприятие формирует некий свертхтекст, в который входит «Письмо» вместе с «Исповедью». Таким образом, он, с одной стороны, занимает место адресата/наадресата, а с другой — включается в уже состоявшийся диалог. Александр II не является непосредственным адресатом «Исповеди» со стороны Бакунина, но становится им в ситуации переадресации, когда Николай I советует ему ознакомиться с текстом. Несмотря на постоянные отсылки Бакунина к «Исповеди» в «Письме», сам Бакунин оставляет место адресата «Исповеди» за Николаем. Эти отсылки в «Письме» также подразумевают заочное включение Николая I в диалог между Бакуниным и Александром II, где Николай выполняет роль авторитета как для Бакунина, так и для Александра.

Период 1840–1849 гг. — время, описываемое в произведении, и это не объективные картины истории, а ее заранее спланированное автором отражение. События девяти лет умещаются в несколько часов *перцептуального* [4, с. 147] времени — времени восприятия текста адресатом, т. е. происходит убыстрение текстового времени. Впечатление об ускоренном течении времени в повествовании создается за счет смены описательных, в основном ретроспективных, фрагментов.

Пространственные координаты в «Исповеди» Бакунина выстраивают композицию текста: композиционной организации произведения соответствует хронотоп дороги. Дорога часто выступает в значении жизненного пути, это определение в большей степени относится к «Замогильным запискам», в «Исповеди» же более важна дорога как конкретный тип пространства.

«Исповедь моя кончена, государь! Она облегчила мою душу», — пишет Бакунин в заключение [1, с. 184], и несмотря на то, что диалога «сердца с сердцем» не вышло, можно судить о логичном завершении его «Исповеди» как текста, литературного произведения в жанре исповеди, с точки зрения «языковой практики» автора и героя.

1. Бакунин М. А. Исповедь и письмо Александру II / вступ. ст. В. Полонского ; ред. журн. «Исторический архив». М., 1921.

2. Ермоленко С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы. Екатеринбург, 1996.

3. Иванов-Разумник Р. В. Общественные и умственные течения 30-х годов и отражение в литературе // История русской литературы XIX века / под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. М., 1916.

4. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.

5. Печерин В. С. Замогильные записки // Русское общество 30-х годов XIX в.: люди и идеи : мемуары современников / под ред. И. А. Федосова ; коммент. С. Л. Чернова. М., 1989.

6. Сапожникова Н. В. Эпистолярный дискурс как социокультурный феномен. Россия — век девятнадцатый. Екатеринбург, 2003.

7. Тюпа В. И. Аналитика художественного. М., 2001.

8. Тюпа В. И. Парадоксы уединенного сознания — ключ к русской классической литературе // Парадоксы русской литературы : сб. ст. / под ред. В. М. Марковича. СПб., 2001.

9. Уваров М. Архитектоника исповедального слова. СПб., 1998.

10. Флоровский Г. Пути русского богословия. Минск, 2006.